

RU

Дистрибуция метатекстового глагола как маркер нарративного регистра

Михалёва О. Л., Мутина В. О.

Аннотация. Цель исследования – выявить закономерности выстраивания повествовательной перспективы в устном спонтанном нарративе о личном опыте. В статье рассматривается распределение ментального глагола «думать» в контекстах, содержащих этот глагол в препозиции, где основная пропозитивная часть служит для обозначения мыслительного процесса субъекта действия, и контекстах с отсутствием ментального глагола в препозиции. Научная новизна заключается в развитии представления о повествовательных инстанциях как о сигналах проявления разных сторон ментальности говорящего и выдвижении гипотезы о том, что распределение метатекстового глагола «думать» детерминировано наличием в тексте нескольких нарративных регистров, смена которых позволяет говорящему одновременно выступать в ипостасях рассказчика и персонажа. В результате исследования устанавливаются дистрибутивные отношения между указанными типами контекстов, подтверждается мысль о том, что наличие либо значимое отсутствие ментального глагола «думать» в соответствующих частях нарратива обусловлено различиями в репрезентации описываемой ситуации. Это позволяет рассматривать глагол «думать» как метатекстовый маркер и свидетельствует, таким образом, о способности говорящего переключаться между нарративными регистрами при порождении истории.

EN

Distribution of a metatextual verb as a marker of narrative register

O. L. Mikhaleva, V. O. Mutina

Abstract. The study aims to identify patterns in the construction of narrative perspective in spontaneous oral personal narratives. The article examines the distribution of the mental verb “думать” (to think) in contexts where the verb is used in a prepositional position (where the main propositional part denotes the subject’s thought process) and contexts where the mental verb is absent in that position. The scientific novelty lies in advancing the understanding of narrative instances as signals of different facets of the speaker’s mentality and in proposing the hypothesis that the distribution of the metatextual verb “думать” is determined by the presence of multiple narrative registers. These shifts allow the speaker to simultaneously inhabit the roles of both narrator and character. The results establish distributional relations between these types of contexts, confirming that the presence or significant absence of the mental verb “думать” in relevant parts of the narrative is due to differences in how the described situation is represented. This allows for the verb “думать” to be viewed as a metatextual marker, thereby demonstrating the speaker’s ability to switch between narrative registers while generating a story.

Введение

В последние десятилетия в современных гуманитарных науках все большую актуальность приобретает представление о том, что нарратив является не только основной формой языковой фиксации истории, но и средством вербализации памяти. Для осмысления личного опыта человек обращается к характерным для его культуры сюжетам. В рамках исследований, которые опираются на такое понимание нарратива, предлагается рассматривать механизмы реконструкции личного опыта «с целью формирования более согласованной истории и презентации более приемлемой идентичности» (Кутковая, 2014, с. 26). В связи с этим обращение к нарративу как к особой форме экспликации личного опыта приобретает особую значимость для современного гуманитарного знания и обуславливает необходимость переосмысления представлений о специфике организации и функционирования повествовательной перспективы в нарративе. Как отмечает В. А. Черванёва, «проблематику нарратологических исследований во многом составляет выявление фигуры повествователя,

отражения его присутствия в тексте, проявления его точки зрения, оценок и т. д.» (Черванёва, 2022, с. 80). В частности, проблемным остается вопрос описания временных планов события. Так, на современном этапе развития нарратологии сосуществуют два подхода к анализу категории повествовательной перспективы. Представители первого подхода считают, что «нарратологи продолжают расподоблять позиции персонажа и повествователя в нарративе, хотя и допускают их интерференцию» (Тюпа, 2021, с. 67). Иного мнения придерживаются в основном исследователи устных текстов. Учитывая природу создания таких нарративов, они считают, что «двусобытийный характер бытия текста предстает со всей наглядностью и очевидностью» (Черванева, 2024, с. 14), а потому наиболее продуктивным является одновременный учет обоих временных планов.

Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью дальнейшей разработки лингвистических представлений о нарративе как средстве вербализации памяти, а также уточнения принципов анализа повествовательной перспективы в устных рассказах о личном опыте. Острота обозначенной проблемы связана с тем, что при возрастающем интересе современной науки к механизмам языкового конструирования идентичности вопрос о соотношении временных планов, позиции повествователя и способов языковой репрезентации пережитого опыта остается дискуссионным. Все это определяет актуальность настоящего исследования.

Одним из способов проецирования субъекта повествования, или выбора определенной точки зрения, является и специфика организации высказываний, формирующих фоновую информацию в устном нарративе, в которых основная пропозитивная часть служит для обозначения мыслительного процесса субъекта действия. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

- 1) изучить особенности встраивания ментальных процессов в событийный ряд нарратива и их экспликации в момент рассказывания;
- 2) проанализировать иллокутивную составляющую контекстов с единицей *думать* в препозиции и контекстов без нее;
- 3) провести сравнительно-сопоставительный анализ контекстов обоих типов и выявить семантические, прагматические, синтаксические и сочетаемостные различия между ними.

Для осуществления данных задач предлагается использовать нарративный и дискурсивный анализ, позволяющие рассматривать объект настоящего исследования – устный нарратив о личном опыте – в совокупности собственно лингвистического, прагматического и когнитивного аспектов. Также в рамках работы используются следующие методы: 1) индуктивный метод, включающий непосредственное наблюдение, анализ и классификацию языковых единиц; 2) сравнительно-сопоставительный метод, позволяющий определить конститутивные признаки контекстов разного типа; 3) метод выявления семантических ролей (ипостасей говорящего), позволяющий интерпретировать особенности строения нарратива с точки зрения когнитивных процессов, обуславливающих функциональную нагруженность анализируемых единиц.

Материалом исследования послужили тексты глубинных интервью («глубинные интервью представляют собой неформальную личную беседу, проводимую по заранее намеченному плану и основанную на использовании методик, побуждающих респондентов к продолжительным и обстоятельным рассуждениям по интересующему исследователя кругу вопросов» (Михалёва, Васильева, Стародворская и др., 2013, с. 6)), записанные в рамках работы диалектологической экспедиции кафедры русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета (Баргузинский район Республики Бурятия) в 2012-2014 гг. Выборка составлена из рассказов жителя пос. Баргузин Ивана Федосеевича Белькова (1931 г. р.). Полевые материалы хранятся в архиве кафедры.

Теоретическую базу исследования составляют труды В. Шмида (2008), В. И. Тюпы (2021), в которых рассматриваются проблемы нарративного анализа, описываются фундаментальные теоретические положения о событийной структуре нарратива; работы Е. В. Падучевой (1996а; 1996b; 2011; 2018), О. К. Ирисхановой (2018), А. В. Уржи (2018; 2023; 2024), посвященные специфике проявления точки зрения говорящего при смене повествовательной перспективы в нарративном и диалогическом режиме интерпретации (в частности, понятию «ипостаси говорящего» (Падучева, 1996b)), а также работа А. Вежбицки (1978), в которой описывается семантика метатекстовых глаголов. Важным аспектом исследования стал анализ дуалистичной природы нарратива в сосуществовании и одновременном проявлении нескольких коммуникативных уровней и повествовательных перспектив, что стало возможным благодаря трудам У. Лабова (Labow, 1972), В. А. Черваневой (2022; 2024), Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко и М. Ю. Сидоровой (1998), посвященным анализу функционирования высказываний в нарративе с точки зрения их коммуникативной направленности.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов при анализе нарративного дискурса. Полученные данные могут быть использованы в преподавании таких дисциплин гуманитарного цикла, как теория текста, нарратология, основы дискурс-анализа, теория коммуникации, теоретическая семантика. Материалы исследования могут найти применение в процессе разработки учебно-методической литературы по указанным дисциплинам.

Обсуждение и результаты

Устные рассказы о личном опыте зачастую осложняются особой структурированностью повествования, обусловленной спецификой коммуникативного намерения говорящего, создающего текст здесь и сейчас. С одной стороны, целью коммуникации является сам рассказ о личном опыте, а говорящий выступает не только рассказчиком истории, но и непосредственным ее участником. С другой – успешность коммуникативного

взаимодействия собеседников, само – как таковое – рассказывание истории невозможны без постоянного «контроля ситуации»: говорящий вынужден следить за локализацией фокуса внимания слушающего. В связи с появлением нескольких планов описания события – плана рассказчика и плана персонажа – исследователь фиксирует осложнение нарративной структуры. Это проявляется, в частности, в разнообразной организации способа описания одних и тех же событий, из-за чего сформировалось представление о том, что «вычленению объекта или комплекса объектов из окружающего фона способствует их отграниченность, одинаковая организация, единообразное поведение» (Уржа, 2023, с. 168). Планы повествования в данной статье условимся называть *ипостаси говорящего*, понимаемые как способы проявления ментальной организации существующего опыта, детерминированные степенью релевантности события.

Говорящий выступает в **ипостаси рассказчика**, создавая историю в условиях конкретной коммуникативной ситуации, поэтому берет на себя основную функцию – донесения информации до слушающего: структурирует события, поддерживает взаимодействие с собеседником и может выйти из нарративной канвы, чтобы дать необходимые пояснения.

Говорящий способен погрузиться на более глубокий коммуникативный уровень и начать описывать «событие с внутренней перспективы» (Ирисханова, 2018), представляя себя непосредственным участником события и выступая тем самым в **ипостаси персонажа**: «единство нарративного высказывания предполагает, что ментальный (внутренний) мир персонажа инкорпорирован в диететический мир произведения как мир “интрадиететический”» (Тюпа, 2021, с. 53). Нарратив являет собой сложное коммуникативное пространство, благодаря чему события выстраиваются в соответствии с тем, как сформировавшийся событийный опыт зафиксировался в памяти говорящего, как говорящий организует пространство истории, как и кем представляет в описываемом событии себя и как соотносит это с моментом рассказывания. Это позволяет выявить несколько нарративных регистров, которые мы, вслед за Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко и М. Ю. Сидоровой определяем как «понятие, абстрагированное от множества предикативных единиц или их объединений, употребленных в разнородных по общественно-коммуникативному назначению контекстах» (1998, с. 393):

1) *когнитивный* (говорящий выступает в ипостаси персонажа, представляя себя непосредственным участником события);

2) *коммуникативный* (говорящий выступает в ипостаси рассказчика, создавая историю в условиях конкретной коммуникативной ситуации).

Маркерами нарративного регистра выступают дейктические единицы (*там, здесь, тут* и пр.) и – шире – эгоцентрические элементы языка (Падучева 1996b; 2011; 2018), лексемы, употребление которых характерно для конкретного персонажа (например, *сволочь, вместо охотник в а он (медведь) там поедат пищу-то / добыча / мясо / а ты идёшь, а он смотрит / о-о ты идешь сволочь / поедать мою добычу*), синтаксические конструкции или особенности просодического оформления высказывания. В зависимости от реализуемого значения перечисленные показатели могут принадлежать и к коммуникативному, и к когнитивному регистру.

Мы предполагаем, что еще одним значимым маркером регистра является наличие ментального глагола *думать* перед основной пропозитивной частью высказывания (перед основной элементарной дискурсивной единицей – далее ЭДЕ) или его отсутствие. Употребление этого глагола в нарративном тексте обычно связывается с передачей ментального события, как, например, в следующем нарративном отрывке:

(1) *Утром вышел / сто-двести метров niche не видать / снег снегопад / так подумал / ка= как я мог / я рядом тут / от силы-то километра три-четыре* (Иван Федосеевич Бельков).

В подобных случаях, где ментальный глагол употребляется в форме совершенного вида, не возникает проблем с отнесением высказывания к коммуникативному регистру нарратива, т. к. глагол является событийным, встроенным в повествовательную цепь, и описывает произошедшее с внешней перспективы. Однако в большинстве случаев глаголы, используемые для обозначения ментального состояния действующего субъекта, употребляются в настоящем нарративном времени, что не позволяет отнести их к событийной части повествования, т. к. «настоящее нарративное может быть употреблено вместо глагола совершенного вида только при условии, что описание ситуации составляет фон для дальнейшего развития событий» (Падучева, 1996b, с. 289): использование настоящего нарративного обуславливает динамичность повествования и создает интригу и ожидание продолжения. Однако настоящее нарративное время (и нарративное будущее) имеет гораздо более значимый прагматический коррелят: ментальные глаголы, употребленные в настоящем историческом, могут обозначать события (в нарративном понимании), которые являются жизненно важными для индивида, независимо от того, вымышленный этот индивид или реальный. Мыслительные процессы не случайно вписываются в фоновую часть нарратива: они необходимы для установления модального ракурса истории (даже при отсутствии явных оценочных средств), поэтому часто представлены в виде ирреальных предложений, служащих для передачи условия или возможного будущего и относящихся к событиям, которые не произошли или могли бы произойти, но пока не произошли. Вербализация мыслей персонажа сосредоточивает внимание на наиболее значимом событии, но сообщение об этом событии само по себе не составляет нарратива: оно формирует лишь фон, то, что У. Лабов назвал *нарративной абстракцией* (Labow, 1972). Подобная информация обладает некоторой степенью событийности и соотносится с понятием *выдвижение*: «...в теории выдвижения описан целый ряд характеристик глагольной формы, комбинация которых способствует “выдвижению” или “затушевыванию” события, а дихотомия “первый план” – “фон” превращается в шкалу» (Уржа, 2024, с. 97).

Так, например, семантика ментальных процессов часто включает в себя предположение о совершении действия. При этом о том, было ли действие совершено, говорящий может и не упоминать, а в следующем событии (оно может находиться гораздо позже в повествовательной цепи) будет описан результат уже принятого решения.

(2) *Сне-ег идё-ёт / туман голыцы-горы не видать / теплый ноябрь был / я думаю дай-ка я ку= / вот этот голец обрежу сюда / сюды над / над этот / как его / куст / спущусь да сюды обойду / марью пройду к голыцу <...> я кругом походил / обрезал* (Иван Федосеевич Бельков).

(3) *Через реку перебрёл / вылажу на берег / крикнул кого там средь / в бара-ак зашел туды-сюды / но думаю окурочки найду / хоть покурю может / там каких окурков / нету там* (Иван Федосеевич Бельков).

В примере (2) предположение о дальнейших действиях выражено конструкцией *думать* и зависимой предикативной без союза. Употребление экспрессивно-диалогических элементов – усилительной частицы *дай-ка* в значении ‘выражение намерения сделать попытку осуществить что-л., приступить к какому-л. действию’, дейктических единиц *сюда, вот этот, хезитатива как его* в значении припоминания как маркера установления контакта с собеседником – служит способом создания необходимой интриги и усиления значимости предшествующего нетривиального события: субъект действия заблудился в знакомой ему местности. Размышления о том, как действовать дальше, придают особую значимость предшествующему и последующему событию (пришлось рубить дерево). Результатом принятого решения становится факт того, что одним из последующих событий является прибытие к голыцу, где находится зимовье.

Конструкции такого типа могут сопровождаться интенцией желательности или неуверенности, как в примере (3). Модальность эпистемической возможности, которая возникает благодаря употреблению вводного слова *может* и уступительного союза *хоть*, подчеркивает ирреальность ситуации, ее гипотетичность: *думаю окурочки найду, хоть покурю* = ‘я стал искать окурки в надежде хотя бы покурить’. При этом результат поиска в нарративе тоже представлен в виде фоновой информации – реакционной реплики с позиции рассказчика *там каких окурков / нету там*. Данные **не-события** становятся связующим звеном в нарративной канве, развивающим дальнейшее повествование. Передача мысли как бы объясняет поступки действующего субъекта: событие в примере (3) можно было бы представить как *я зашел в барак, чтобы найти хотя бы окурки*, где фоновая информация, эксплицированная в виде союзной зависимой предикации, трансформировалась в событийную.

Подобные ситуации размышления могут быть представлены и при отсутствующем ментальном глаголе. В контекстах без *думать* сохраняется формальная организация высказывания (ср. пример (1) и (4)): субъективная модальность реализуется благодаря употреблению будущего времени совершенного вида глагола, экспрессивность и динамичность возникают из-за употребленного междометия *ну-ка* (аналогичное с *дай-ка*).

(4) *Там вот так вот прошел марь / смотрю че-то рублено / так рублено / или визир или охотник кого-то / нэ / нэ это отрублено. А ну-ка я-а пойду попробую по этой по рубке / прихожу вниз / смотрю зимовье лежит* (Иван Федосеевич Бельков).

Возникает проблема отнесения ситуаций размышления к определенному нарративному регистру: с одной стороны, интерпретация мысли как гипотетической ситуации (предположения или возможности) позволяет относить подобные высказывания к когнитивному регистру нарратива, считать такие реплики смещением внешней перспективы на внутреннюю и, соответственно, реализацией ипостаси персонажа. С другой стороны, отнесенность таких высказываний к фоновой информации, обладающей некоторой степенью событийности, позволяет рассматривать их как части коммуникативного регистра и относить к ипостаси рассказчика, поскольку основная функция фона в нарративе – локализация фокуса внимания собеседника и защита системы утверждений говорящего от возможной неправильной, по его мнению, интерпретации слушающего. В таком случае необходимо говорить о возникновении ментального события как об усложнении минимальной структуры нарратива «в ходе выполнения нарративом эмотивной функции, усиливающей воздействие на читателя» (Уржа, 2018, с. 498).

Можно предположить, что наличие или отсутствие глагола *думать* перед основной ЭДЕ значимо и связано с разной степенью событийности в описываемых ситуациях. Следовательно, это может быть маркером разных способов репрезентации главного события и свидетельствовать о переключении между нарративными регистрами. Сопоставительный анализ контекстов с наличием ментального предиката в препозитивной ЭДЕ и его отсутствием позволил выявить некоторую закономерность.

Конструкции с глаголом *думать*

Если бы мы приняли решение не разграничивать контексты с правым *думать* и контексты с его отсутствием, нам бы пришлось приписать конструкции с ментальным глаголом двойную семантическую структуру: ее можно трактовать и как высказывание персонажа, и как цитату рассказчика. Не возникает сомнений, что в автобиографических нарративах высказывание вроде «*думаю / может там люди есть*» одновременно является и передачей собственных мыслей, точнее, трансляцией мыслей персонажа, в ипостаси которого выступает говорящий; и структурируется по замыслу нарратора. В таком случае мы могли бы выделить основной компонент «*может там люди есть*» и утверждать, что ментальный предикат представляет собой рамку, не имеющую собственного грамматического дополнения – высказывание не является ни событием, ни т. н. выдвиганием (высказыванием, обладающим некоторой степенью событийности, или полусобытием), ни частью фона.

При таком понимании мы должны принять факт отсутствия какой-либо функции ментального предиката в правом контексте и признать отношения между обоими компонентами высказывания – ментальным глаголом и собственно мыслью – абсолютно равнозначными. Из этого следует и уравнивание ипостасей говорящего в нарративном тексте – рассказчика, структурирующего историю в определенных коммуникативных условиях и постоянно взаимодействующего с собеседником, и персонажа, являющегося действующим лицом в описываемой истории. Подобные отношения аналогичны отношению между высказываниями действующих лиц

и авторскими ремарками в художественных текстах, и их уравнивание утверждало бы отсутствие существования нескольких повествовательных перспектив (планов описания или точек зрения) в устном нарративе.

Контексты с *думать* фактически являются выражениями, в которых эксплицитно упоминается сам акт мысли, поэтому мы квалифицируем данный глагол как метатекстовый, так как его функция в нарративе заключается в том, чтобы прояснить «семантический узор основного текста» (Вежбицка, 1978, с. 421). Ментальный предикат в препозитивной ЭДЕ, таким образом, коммуникативно значим и не только связывает между собой нарративные события, создавая необходимый фон, но и обеспечивает коммуникативное событие рассказывания необходимым фокусирующим внимание собеседника элементом.

Рассмотрим, какие значения глагола *думать* реализуются в исследуемых контекстах. В «Активном словаре русского языка» выделены шесть основных значений глагола *думать* (шесть лексем в составе вокабулы *думать*), в том числе *думать 1* (А1 думает об А2 'Человек А1 обрабатывает в сознании информацию, связанную с ситуацией или объектом А2, чтобы понять, каковы существенные свойства А2 или какие факторы надо учесть, чтобы правильно поступить в ситуации А2 или с объектом А2'; синонимы: размышлять, раздумывать, соображать, обдумывать, продумывать) и *думать 3.1* (А1 думает сделать А2 'У человека А1 есть намерение сделать А2, от которого он может отказаться, если изменятся обстоятельства'; синонимы: задумать, надумать, вздумать, замыслить, разг.-сниж. намылиться, намереваться, собираться, планировать, иметь в виду) (Апресян, Апресян, Бабаева и др., 2017, с. 280-282). Далее мы будем называть значения «*думать1*» (размышление) и «*думать2*» (намерение), соответственно.

(5) *Маленько хлеба оставил / повела его туда / вот он ест этот / съест / станет / съест / опять станет / я помаленьку / думаю надо мне чтобы хватило* (Иван Федосеевич Бельков).

(6) *Я грю / бабушка у тебя закурит есть? / нету мы не курим / как волчица прям / вот думаю беда / как с ней разговаривать / то ножик возьмет / то соскочит / цыган грит какой-то пришел* (Иван Федосеевич Бельков).

(7) *Я подошел два мешка / белы мешки / с вязками / как вот американски мешки были раньше / кто-то тоже видно бродил думаю / кто-то бродни сделал / они сухи / я их потряс* (Иван Федосеевич Бельков).

(8) *Приехал тогда / а собольки забегали / я немного поднял соболей / лушечки подправил / ну-у мне-то там / думаю / мне в <нрзб>-то промысел будет / ну богатый будет / приезжаю домой* (Иван Федосеевич Бельков).

Думать1 в значении 'размышлять' обладает способностью выдвижения мыслительного процесса из фона в пресобытие, где размышление о другом может быть способом фиксации особенностей наблюдаемой ранее ситуации (ср. (6), (7)). Маркерами коммуникативного регистра, помимо наличия ментального глагола, являются эксплицитно выраженная оценка ситуации, реализуемая через актуализацию модальности должностования посредством использования предикативной единицы *надо* в (5), оценочное *беда* в (6), дискурсивное слово *видно* в (7) или дейктическое *там* в предшествующей ЭДЕ и *будет* в постпозитивной ЭДЕ в (8). Поэтому подобная передача мысли может интерпретироваться как коммуникативно значимый, обладающий некоторой степенью событийности фон нарратива, представленный с внешней перспективы, а потому относящийся к ипостаси рассказчика.

Стоит отметить, что маркер деонтической модальности встречается в анализируемом материале всего один раз в (5): должностование характерно для высказываний, содержащих установки говорящего, поэтому в абсолютном большинстве случаев такие высказывания представляют собой полноценный выход из нарративной канвы, что является дополнительным аргументом в пользу отнесения подобных контекстов к коммуникативному регистру. Контексты с *думать1* в качестве отдельной клаузуальной ЭДЕ встречаются и в срединной, и в конечной позициях (ср.: (7), (8)), в то время как употребление *думать2* в исследуемом материале встречается только в препозитивных ЭДЕ.

Думать2 'намереваться' употребляется только в сочетаниях с нарративным будущим. В подобных контекстах всегда описывается предположение о дальнейших действиях, возможность совершения которых основывается на совершенном в предшествующем событии действии (совершения предполагаемого действия может и не быть). При этом высказывания также в большинстве случаев включают в себя средства, кодирующие коммуникативную организацию высказывания. Ср., например, (2) с усилительным *дай-ка*, (3) с уступительным *хоть* в основной ЭДЕ, (9) с вводным *может*:

(9) *А там <нрзб> / там курорт был раньше дом отдыхающих / я думаю / может там люди есть / хоть там покурю да хоть покушаю / а снежницей спёрло перекаты / вода здор-рова / снег шу= гудит-шумит* (Иван Федосеевич Бельков).

(10) *Встал рано / думаю / пойду через зелёную перевалю / как такой там голь= / там ключ Гакша туды идёт / а тут отвод* (Иван Федосеевич Бельков).

В срединной и конечной позиции аналогичные примеры не обнаружены; при постановке ЭДЕ с *думать* в интерпозицию или постпозицию, высказывания в (2), (9), (10), как кажется, становятся неграмматичными, а в (2), (3), (9), (10) смещается смысловая организация высказывания и ракурс повествования:

(2) **Дай-ка я ку= / думаю / вот этот голец обрежу сюда* | **Дай-ка я ку= / вот этот голец обрежу сюда / я думаю* [Сконструированные примеры];

(3) **Но окурочки найду / думаю / хоть покурю может* | **Но окурочки найду / хоть покурю может / думаю* [Сконструированные примеры];

(9) **Может там люди есть / я думаю / хоть там покурю да хоть покушаю* | **Может там люди есть / хоть там покурю да хоть покушаю / я думаю* [Сконструированные примеры];

(10) **Встал рано / пойду / думаю / через зелёную перевалю* | **Встал рано / пойду через зелёную перевалю / думаю* [Сконструированные примеры].

При перестановке ЭДЕ *думать* в срединную или конечную позицию она приобретает свойства вводной конструкции (особенно явно в (10)*) и теряет способность включать другие элементы, маркирующие коммуникативный регистр нарратива. Ограниченность различного вида распространителей во вводных сочетаниях согласуется с представлениями, в соответствии с которыми вводные конструкции с ментальными глаголами не вносят новой информации в дискурс, а служат для выражения субъективной и эпистемической оценки (Падучева, 1996а); отсюда невозможность средств выражения информационной организации высказывания.

Это свидетельствует о том, что конструкция с препозитивным *думать* и нарративным будущим в основной реплике непосредственно связана с предыдущим повествованием, и, следовательно, в отличие от вводных конструкций, она обладает коммуникативной значимостью. Соответственно, мы можем утверждать, что подобные высказывания относятся к коммуникативному регистру и маркируют ипостась рассказчика. Семантика подобных высказываний содержит модальность возможности и намерения, которая задается значением *думать*₂ в сочетании с предикациями в форме нарративного будущего.

Итак, конструкция при метатекстовом *думать* может быть определена следующим образом: она включает основную ЭДЕ с глаголом *думать* и зависимую, выражающую содержание мысли, причем главная ЭДЕ занимает начальную линейную позицию по отношению к зависимой, а зависимая ЭДЕ содержит маркеры коммуникативного регистра (дейктики, вводные слова, усилительные частицы). При этом главной и основной функцией высказывания является маркирование акта размышления, влияющего на дальнейшие действия, что способствует локализации фокуса внимания собеседника.

Конструкции с отсутствующим препозитивным *думать*

Контексты с отсутствием правого *думать* можно разделить на две группы по типу передаваемой информации: 1) принятие решения (с обязательным совершением действия) и 2) реакция на предшествующее событие.

Высказывания, относящиеся к первому типу, формально отличаются от конструкций с *думать*₂ только отсутствием ментального предиката в препозитивной ЭДЕ, значение намерения также выражается нарративным будущим. Ментальный процесс в подобных контекстах может быть представлен в виде полноценного события, что невозможно в конструкциях с правым *думать*.

(11) *Я обдумал тут крепко / неужели мне вниз спуститься Иной / я уже слабо себя чувствовал / отоцал да / пойду я / Иной пойду / пришел* (Иван Федосеевич Бельков).

(12) *Однако я так пойду / так вот однако / так / пришел / какой-то голый голец в такую стлань* (Иван Федосеевич Бельков).

(13) *Лодочка у меня одноместна была така / ну меня унесёт / тогда сброшу / сбро-ошу / краси-иво / ночевать или домой ли ехать / но до потёмок посижу / ну там низа километра три-четыре от дома* (Иван Федосеевич Бельков).

Например, *пойду я / Иной пойду* в (11) можно трансформировать в событийное *я пошел Иной*. Подобная трансформация в похожих контекстах (ср. с (3)) алогична, т. к. нарушает событийное развитие повествования.

(3) **нашёл окурочки* → *там каких окурочек / нету там* [Сконструированный пример].

Возможность подобной трансформации обусловлена тем, что высказывание о намерении сделать что-то на самом деле имеет значение 'совершение действия', выраженное в такой форме лишь потому, что является событием, описанным из внутренней перспективы. Подтверждением смены повествовательной перспективы с внешней на внутреннюю в подобных контекстах и их отличием от формально схожих высказываний с препозитивным *думать* является использование различных по семантике маркеров регистра. Так, дополнительными показателями когнитивного регистра являются как эгоцентрические элементы, например, усилительная частица *ну-ка* в (4), вводное *однако* в значении 'вероятно, может быть' в (12), слова категории состояния, так и собственно конструкция (как восстанавливаемая «если... то» или инфинитивная *ночевать или ехать* в (12)). Подобные элементы отличаются способностью придания высказыванию большей экспрессивности, чем единицы, маркирующие коммуникативный регистр и ипостась рассказчика. Интересно, что для когнитивного регистра характерно и абсолютное отсутствие дополнительных показателей, как в (11). В таких случаях переключение регистров подтверждается просодическим анализом высказываний, позволяющим относить их к ипостаси персонажа.

Контексты из группы «принятие решения» содержат в описании события дополнительный прагматический компонент 'неуверенность', вследствие чего возможно предположение, что говорящий представляет ситуацию так, будто сам еще не знает, как будут развиваться события. Такой способ подачи может свидетельствовать о значимости для говорящего факта принятия решения, а не желании акцентировать внимание слушающего на акте размышления, как в контекстах с правым *думать*. При этом в подобных высказываниях обязательно фиксируется возможность нескольких вариантов развития события и условия, в которых оказался действующий субъект. В зависимости от них в основной препозитивной части нарративного фрагмента описанное принятие решения (в форме нарративного будущего) становится равноценным самостоятельному событию, которое завершает представление ситуации с внутренней перспективы.

Вторую группу контекстов с отсутствующим ментальным предикатом в препозитивной ЭДЕ составляют реакционные реплики-высказывания. Возможность существования такого рода высказываний можно объяснить еще более глубоким погружением говорящего на нижний коммуникативный уровень. Помимо дополнительного компонента неуверенности здесь прослеживается более выраженная семантика неизвестности.

(14) *потом вниз глянул / а у меня там такая палка была привязана в конце туда / чтоб конец-то не утонул / а там у меня подвязано грузило было / а этъ сверху / а она раз оторвалась / чё такое? / куст дёрнуло / и я лодочку сбросил уже* (Иван Федосеевич Бельков).

(15) *я пошёл там на / до акулей / такой / че эт такое? / куда я пришел? / Гакша не Гакша / сначала круто там вот так вот* (Иван Федосеевич Бельков).

(16) *уже рассвет / что же там за рыба у меня такая? / Ы-ы блеснит такая / аҕа / таймень / здор-ровый* (Иван Федосеевич Бельков).

Как правило, для выражения реакции на предшествующее событие говорящий задает вопросы *че такое?*; *эт че?*; *что делать?*, представляя тем самым ситуацию неожиданной и неизвестной для субъекта действия, поэтому функция таких реплик заключается в фиксации эмоционального состояния действующего субъекта с точки зрения происходящего «здесь и теперь». Реакция на события обычно сопровождается попыткой понять происходящее, которая также описывается из внутренней перспективы. При этом говорящий перечисляет признаки, позволяющие разобраться в ситуации, как в (16), где ситуация непонимания (*что же там за рыба*) сопровождается последующей реакцией-осознанием *аҕа / таймень*.

Обе группы контекстов без правого *думать* – и принятие решения, и реакция на предшествующее событие – могут быть представлены с наличием метатекстового глагола в препозитивной ЭДЕ, но разница в типе репрезентируемой информации, как кажется, обуславливает его отсутствие. Конструкции без правого метатекстового *думать* нужны для передачи собственно ситуации и ее оценивания с позиции воспринимающего, а не для передачи размышления о ситуации. Поэтому подобные контексты всегда состоят из нескольких ЭДЕ, где описывается либо факт принятия решения, либо реакция на событие, за которыми следует оценка ситуации (особенно это видно в (13) и (16)). В большинстве случаев такие контексты содержат дополнительные маркеры когнитивного регистра (дейктики, вводные слова, усилительные частицы). При этом главной и основной функцией высказывания является размышление о принятии решения «здесь и сейчас», равнозначное осуществлению принятого решения и фиксации эмоционального состояния действующего субъекта.

Описание ментальных процессов, осуществляемое с помощью глагола *думать*, существенно отличается от описания ментальных процессов без использования правого предиката своими семантическими, прагматическими, синтаксическими, сочетаемостными и коммуникативными свойствами, в силу чего имеет смысл говорить о наличии дистрибутивных отношений между подобного рода контекстами. Распределение высказываний с препозитивным *думать* и без него можно представить в виде Таблиц 1 и 2.

Таблица 1. Распределение высказываний по наличию и отсутствию препозитивного глагола с точки зрения выражаемой модальности

Наличие глагола в препозиции модальность	думать +	думать –
возможность	+	–
долженствование	+	–

Таблица 2. Распределение высказываний по наличию и отсутствию препозитивного глагола с точки зрения интенциональной направленности

Наличие глагола в препозиции интенция	думать +	думать –
реакция	–	+
принятие решения	–	+
предположение	+	–

Отдельно отметим, что только в контекстах с *думать* в близких ЭДЕ встречаются гезитативы (напр., (2)) и обрывы (напр., (9), (10)), обладающие функцией поиска конкретной единицы или продолжения речи, что может являться дополнительным маркером коммуникативного регистра.

Заключение

Сопоставительный анализ контекстов с наличием и отсутствием ментального глагола в препозиции позволяет сделать следующие выводы.

Изучение особенностей встраивания ментальных процессов в событийный ряд нарратива и их экспликации в момент рассказывания показало, что контексты с единицей *думать* в препозиции и контексты без нее по-разному репрезентируют ментальный процесс в устном нарративе о личном опыте. Контексты с препозитивным *думать* соотносятся с внешней повествовательной перспективой: говорящий предстает субъектом действия и, соответственно, выступает в ипостаси рассказчика, оформляя мыслительный процесс как объект сообщения в событии рассказывания, что определяется коммуникативным регистром высказывания; семантика высказывания содержит компонент ‘размышление о...’. Контексты без препозитивного *думать*, напротив, организуют с внутренней повествовательной перспективой: говорящий предстает субъектом восприятия и выступает в ипостаси персонажа, что определяется когнитивным регистром высказывания; семантика высказывания содержит компонент ‘реакция на...’. Таким образом, способы языковой экспликации ментального процесса связаны с различием повествовательных позиций и с особенностями соотнесения события мыслительного процесса с событием рассказывания.

Анализ иллокутивной составляющей контекстов с единицей *думать* в препозиции и контекстов без нее позволяет заключить, что данные типы высказываний различаются по своей интенциональной направленности.

Контексты с препозитивным *думать* соотносятся преимущественно с предположением, а также обнаруживают связь с модальными значениями возможности и долженствования. Контексты без указанной единицы, в свою очередь, необходимы для конструирования реакции на произошедшее и принятия решения. Следовательно, наличие или отсутствие препозитивного глагола оказывается значимым не только с точки зрения формальной организации высказывания, но и с точки зрения выражаемого в высказывании событийного намерения, которая определяет способ коммуникативного оформления ментального содержания в нарративе (организует либо коммуникативное событие рассказывания, либо референтное событие рассказа).

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ контекстов обоих типов позволяет сделать вывод о том, что категория нарративных регистров определяется типом репрезентируемой в тексте информации, а возможность сосуществования нескольких нарративных регистров обусловлена когнитивными особенностями говорящего при восприятии и воспроизведении события, поэтому основные различия между описанием ментального процесса при помощи введения метатекстового *думать* или без него определяются функционально. Такое распределение представляется значимым, в первую очередь потому, что позволяет уточнить описание повествовательной перспективы в устном нарративе и показать, что контексты, традиционно объединяемые в общий блок «фоновой информации», являются неоднородными и неравнозначными.

Таким образом, сопоставительное изучение контекстов с наличием метатекстового глагола и контекстов без него представляется перспективным для описания лингвистической маркированности ипостаси персонажа в устном нарративе, для наиболее адекватного понимания ценностной картины мира автора как носителя той или иной культуры, обладает потенциалом и требует дальнейших рассмотрения и уточнения. В конструкциях с глаголом *думать* наблюдаются те же закономерности, что мы находим и в других конструкциях. Подобным метатекстовым потенциалом, обуславливающим невозможность переключения повествовательной перспективы с внешней на внутреннюю, обладают глаголы речи (в устных нарративах, в основном, *говорю*) при передаче диалога с другим или в конструкциях несобственно-прямой речи; глаголы восприятия (в частности, *смотрю, вижу, трогаю*) с зависимыми предикациями, ментальные глаголы (например, *вспоминаю*).

Перспективой исследования является дальнейший анализ подобного рода конструкций, служащих для организации события разговора с другим и с самим собой, события восприятия окружающего мира, что может расширить представление о способах проявления ипостаси персонажа и ипостаси рассказчика в устном нарративе о личном опыте.

Материалы исследования | Research materials

1. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Лопухина А. А., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В. Статья глагола *думать* // Активный словарь русского языка / ред. тома: В. Ю. Апресян, И. В. Галактионова, Б. Л. Иомдин; под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М. – СПб.: Нестор-История, 2017. Т. 3.
2. Михалёва О. Л., Васильева Е. В., Стародворская Е. В., Ташлыкова М. Б. Глубинные интервью как материал для лингвистического исследования: учебное пособие / под общ. ред. О. Л. Михалёвой. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2013.

Источники | References

1. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике: сборник статей / ред. и сост. Т. М. Николаева. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8.
2. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
3. Ирисханова О. К. К вопросу об измерении динамики нарратива // Образы языка и зигзаги дискурса: сборник статей / отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2018.
4. Кутковая Е. С. Нарратив в исследовании идентичности // Национальный психологический журнал, 2014. № 4 (16).
5. Падучева Е. В. Грамматические категории времени и вида // Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 1996а.
6. Падучева Е. В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. 2011. № 3.
7. Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. М.: ЯСК, 2018.
8. Падучева Е. В. Эгоцентрические элементы языка. Режимы интерпретации // Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 1996b.
9. Тюпа В. И. Горизонты исторической нарратологии. СПб.: Алетейя, 2021.
10. Уржа А. В. Конструкции с глаголами речевого и физического действия в русских переводных текстах: актуальность, финитность, выдвижение // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 4. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-04-7>
11. Уржа А. В. Первый план и фон нарратива: направления зарубежных исследований в сфере лингвистики и переводоведения // Slověne. 2018. Т. 7. № 2. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2018.7.2.20>

12. Уржа А. В. Роль русских глагольных форм в конструировании первого плана и фона нарратива: диалог научных традиций // Славистика. 2023. Т. XXVII. № 2.
13. Черванёва В. А. Временной план устного нарратива как проекция субъекта повествования // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 6. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2024-6-12-25>
14. Черванёва В. А. Нарративная проекция реального субъекта в устном мифологическом рассказе // Новый филологический вестник. 2022. № 4 (63).
15. Шмид В. Нарратология. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2008.
16. Labov W. Language in the inner city: Studies in the Black English vernacular. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972.

Информация об авторах | Author information

- RU** Михалёва Ольга Леонидовна¹, к. филол. н., доц.
Мутина Валерия Олеговна²
^{1, 2} Иркутский государственный университет
- EN** Olga Leonidovna Mikhaleva¹, PhD
Valeriya Olegovna Mutina²
^{1, 2} Irkutsk State University
- ¹ pikutskaja@gmail.com, ² valeriaolegovnamutina@gmail.com

Информация о статье | About this article

- RU** Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Иркутского государственного университета для молодых ученых № 091-25-331.
- EN** The study was supported by grant for young scholars No. 091-25-331 of the Irkutsk State University.

Дата поступления рукописи (received): 13.02.2026; опубликовано online (published online): 30.04.2026.

Ключевые слова (keywords): устный нарратив; нарратив о личном опыте; нарративный регистр; метатекстовый глагол; oral narrative; personal experience narrative; narrative register; metatextual verb.